

ФАДДЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

•

РЕЛИГИЯ ЭЛЛИНИЗМА

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

Зелинский Ф.

3-49 Древнегреческая религия ; Религия эллинизма / Фаддей Зелинский. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 396 с. — (Серия «Пальмира — религиозное ведение»).

ISBN 978-5-517-09696-8

Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) — выдающийся антиковед, филолог-классик, переводчик и энциклопедист.

Русский по рождению и языку, поляк по крови, Зелинский был эллином по духу. Страстный интерес к античности определил всю его научную деятельность. Предельно строгая, она в то же время была лишена всякого отпечатка схоластики: классическую древность исследователь сознавал глубоко сопричастной духовной жизни нового времени. «Не тихий и отвлекающий от современной жизни музей, а живая часть новейшей культуры» — так характеризовал Зелинский значение Античности. В согласии с этим пониманием ученый многосторонне исследовал культуру Древней Греции и Рима, обращаясь в том числе и к религиям этих цивилизаций.

Ярчайшее воплощение эта область научных занятий Зелинского нашла в двух его книгах — «Древнегреческой религии» и «Религии эллинизма». Задуманные как первые части несостоявшегося монументального труда, они явились полноценным систематическим исследованием, представляющим динамику античных религиозных верований. На широчайшем материале Зелинский не только описывает многообразие верований, мифов и тайных культов, бывших плотью древнегреческой культуры, но и показывает эволюцию религиозного сознания на пути к христианскому преображению.

УДК 292
ББК 86.31

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ РЕЛИГИЯ

Глава I

Введение

§ 1. Роль древнегреческой религии в сознании современного общества. — Осадок эпохи французского классицизма. — Осадок эпохи неогуманизма. — Научная разработка древнегреческой религии. — Задача настоящего очерка. — § 2. Трудность этой задачи. — Отсутствие канонических книг. — Отсутствие специальной богословской литературы. — Наша постановка вопроса. — Религиозное чувство и конфессионализм

§ 1

Среди всех так называемых языческих религий нет ни одной, которая была бы нашей интеллигенции в одно и то же время и так хорошо известна, и так глубоко неизвестна, как древнегреческая. Это может показаться парадоксальным, и тем не менее это так.

Ее известность — осадок двух эпох. Во-первых, эпохи французского классицизма (не будем заглядывать далее) XVII в. с его культом греческой мифологии и в поэзии, и в изобразительном искусстве, и во всей тогдашней «галантной» жизни. Как известно, этот классицизм перекинулся и к нам, изучение греческой мифологии стало обязательным предметом несложного образования немногочисленной русской интеллигенции, и краткое греческое руководство Аполлодора стало первой грекоязычной книгой, переведенной и напечатанной по-русски по приказу самого императора Петра I. Отсюда популярность греческих богов — правда, по традиции того же французского классицизма, более в их латинских наименованиях. Они положительно вытеснили из сознания людей христианских

святых; и верующий интеллигент, для которого и св. Пантелеймон, и св. великомученица Варвара, и даже сам св. Николай Чудотворец были лишь простыми, хотя и производимыми со священным трепетом именами, — соединял в то же время очень определенные представления с Зевсом-Юпитером и Герой-Юноной, со строгой Палладой-Минервой и легкомысленной Афродитой-Венерой, с воинственным Марсом и хитрым Меркурием.

Определенные, без сомнения, только правильные ли? Вот вопрос. И ответить на него приходится: нет, безусловно неправильные. Именно популярность греческой мифологии была сильнейшей помехой пониманию греческой религии: она была одной из главных причин того, что эту греческую религию как таковую отказывались принимать всерьез. Тон задавал Овидий, певец галантного Рима эпохи Августа, столь родственной по настроению веку французского «короля-Солнце»; а в роскошном цветнике его «Метаморфоз» можно было найти какой угодно аромат, кроме религиозного. Неисправимый волокита Юпитер, ревнивая и сварливая Юнона, вороватый Меркурий, кокетливая Венера, склонный к выпивке Вакх — помилуйте, какая же это религия!

Это, повторяю, осадок одной эпохи, эпохи французского классицизма. Ее вредное влияние было отчасти уравновешено концом XVIII в. и началом XIX, эпохой так называемого неогуманизма — Винкельмана, Гёте, Шиллера. Произошла реакция, но главным образом на эстетической почве. Зевс Фидия даже в тех позднейших преломлениях, которые только и знал Винкельман, — это все же не овидиевский сластолюбивый вельможа, и Гёте не даром так любил его супругу, мнимополиклетовскую Геру, от которой на него веяло, «как от поэмы Гомера». И все же эта реакция, самым красноречивым выражением которой был востор-

женный гимн Шиллера в честь «богов Греции», была исключительно эстетического характера: античные божества, объявляющиеся в красоте, противопоставлялись христианскому в его исключительной духовности; и когда Гёте в незабвенной сцене изобразил свою замученную Гретхен в молитве перед Богородицей — «о склони, Многострадальная...» — ему и в голову не приходило, что в сущности она у него призывает прямую наследницу древней богини, прообраза скорбящих, Деметры.

Требовалось очень внимательное изучение древнего мира для того, чтобы греческая религия получила свою справедливую оценку; это изучение производилось, разумеется, в недрах науки о древнем мире — классической филологии. Не сразу были найдены верные пути: иные прямо завели исследователей в дебри, другие, будучи сами по себе хорошими, все же не вели к той цели, которую мы имеем в виду здесь. Увлечения винкельмановских времен в связи с мистицизмом Сведенборга и Калиостро (прошу припомнить настроение нашей Александровской эпохи) повели к пышному расцвету древнегреческого «символизма» (Сент-Кроа, Крейцер), вызвавшему в свою очередь крайнюю реакцию в духе минувшего «просветительства» (Фосс, Лобек), после которой как-то неловко было даже заикаться о благодати элевсинских мистерий. Сравнительно богатый материал, доставленный изучением священных книг Индии и Ирана, поставил ребром вопрос о происхождении греческих представлений о богах; решали его обыкновенно в духе физического монизма, исходя либо от световых («солярная теория» Макса Мюллера и др.), либо от атмосферических явлений (Форхгаммер). Но не говоря уже о несомненных односторонностях и заблуждениях, ясно, что греческая религия как таковая могла быть только затемнена всеми этими толкованиями. Пусть Паллада Афина была первона-

чально грозовой тучей, что очень вероятно; все же это была не та Афина, которая, по религиозному представлению Солона, простирает свои руки над его родиной и своим великодушным заступничеством спасает ее от гибели. Ясно, что и методы «исторической школы», изучавшей развитие культов в ранние эпохи странствований и скрещений греческих племен, непосредственно не вели к выяснению сущности греческой религии; и если тем не менее имя основателя этой школы, Отфрида Мюллера, должно быть названо с честью как имя одного из главных иерофантов эллинизма, то это благодаря тому, что он и в своих книгах об истории греческих племен, и в своем издании «Евменид» Эсхила сумел соединить генетическую цель своих трудов со служением той задаче, о которой речь идет здесь.

В настоящее время света уже пролито достаточно; внутри классической филологии серьезная оценка древнегреческой религии — совершившийся факт. Если — чтобы назвать только двух ее корифеев — Эрв. Роде говорит, что «самые глубокие, как и самые дерзкие мысли о божестве были продуманы в Древней Греции», если Виламовиц называет эллинов «самым благочестивым народом мира», — то смысл совершившегося переворота ясен. Все же в сознание интеллигенции он еще не проник; это раз. А затем — подробное изложение греческой религии по-прежнему остается задачей будущего. Само собой разумеется, что оно должно быть дано на исторической почве; но хотя и имеются сочинения, гордо называющие себя «Историей греческой религии», все же это в лучшем случае — хорошие сборники материалов. Автора этих строк не покидает надежда, что ему будет суждено заполнить этот важный пробел; в каком духе он предполагает это сделать — это показывают соответствующие главы его конспективной «Истории античной культуры» (изд. Сытина). Но здесь его задача